

Кн. обозрение. — 1994. — 10 мая. — С. 8-9.

В молодости ничто не предвещало Николаю Новикову его будущих просветительских подвигов. Лет до десяти он, живя в родительском поместье, не обучался, по-видимому, грамоте. Попав тринадцатилетним юношей в первый набор гимназии при Императорском Московском университете, он оказался среди ребят гораздо более образованных, получивших приличное домашнее воспитание (таких, как, например, братья Фонвизины). Через три года молодого человека отчислили из гимназии за «нехождение в классы». И он отправился обычным путем дворянского недоросля — служить в лейб-гвардии

время был невелик — 20—40 наименований в год при довольно больших — до двух тысяч и более экземпляров — тиражах. Книги продавались главным образом через академическую и университетскую лавки, частично — через переплетчиков, бывших посредниками-комиссионерами. В таком количестве книги были не нужны, их ассортимент мало привлекал; они залеживались на складах десятилетиями. Весь оборот книжной торговли не составлял и 10 000 рублей в год.

Вместе с тем отдельные частные лица уже в 1740-е годы заказывали нужные им книги «на свой кошт».

стигает социально-политическую изнанку самодержавия, она не вызывает особой симпатии. Придворная и военная карьера кажутся ему неудобноносимым бременем. Екатерина Вторая, создавшая Комиссию, не ожидала, что джиг политического вольномыслия и критиканства вырвется из бутылки, и испугалась; через год, в связи с турецкой войной, Комиссию распустили, так и не создав нового Уложения. Вернувшись к прежнему образу жизни, Новиков тут же выпускает три тоненькие книжечки стихов Василия Майкова — не для прибыли (на стихах в те годы было не заработать), а повинувшись потребности

только довел тираж журнала через три месяца до 1240 экземпляров — предел, видимо, возможного тогда, — но и донес до первых выпусков с тем расчетом, чтобы каждый владелец имел к концу года полный комплект. Тонкие еженедельные листочки собирались покупателями, бережно переплетались в единый том. За первый год Новиков получил от журнала неслыханный по тем временам доход — более тысячи рублей! И хотя под давлением цензуры он в следующем году прекратил издание «Трутеня» (его бы справедливее назвать «Шершнем» или «Оводом»), коммерческий успех журнала окончательно утвердил выбор молодого дворянина: быть издателем!

много потрудился как историк. Одним из главных его достижений, безусловно, стала первая в России «литературная энциклопедия» — «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), где Новиков рассказал о 317 русских писателях и учениках. Недаром впоследствии переводчик, историк и журналист Г.Л.Брайко (ученик М.М.Щербатова) заметил о Новикове: «Ученый человек, оказавший великую услугу нашей истории».

Поразительно, как много может сделать иногда самоотверженность, энтузиазм, инициатива одной-единственной личности! Впрочем, Новиков не все делал в одиночку: он обладал еще и даром организатора, да-

11 мая (27 апреля по старому стилю) исполняется 250 лет со дня рождения Николая Ивановича Новикова (1744—1818). Для истории русской книжности это имя значит очень много: Новиков стоит в одном ряду с такими деятелями, как Иван Федоров, А.Ф.Смирдин, А.Ф.Маркс, И.Д.Сытин. Однако не все помнят сегодня о нем что-либо сверх сказанного в учебнике истории. Поэтому в честь славного юбилея стоит поговорить подробнее о его трудах на ниве русской культуры.

СВЕТ

Измайловском полку.

Казарма, как известно, — далеко не гимназия, однако именно в эти годы Новиков (он служил семь лет) почему-то с необыкновенным рвением занимается самообразованием: читает, переводит, постигает науки. Синдром изгнанного из рая? Возможно. Во всяком случае труды не пропали даром (лишнее свидетельство тому, что образование не дают, а берут). Молодой человек погружается в мир книг и... приобретает потихоньку к книжному бизнесу: привозит из московских командировок, от университетского книготорговца Вевера, небольшие партии книг, которые выгодно продает в Петербурге. Новикову всего 22 года, а он уже решает на первый издательский коммерческий опыт: в типографии Сухопутного кадетского корпуса за свои деньги выпускает книжечку «Дух Пифагора» большим, по тем временам, тиражом в 1000 экземпляров. Выкупив тираж, он на следующий же день обращается в типографию Академии наук с заказом: отпечатать 600 экземпляров «Аристотелевых приключений и Рождения людей Промифеевых». О коммерческом успехе предприятия судить трудно, данных нет. Но почин был сделан...

В те годы, когда дебютировал будущий великий русский издатель, книжная жизнь России еще едва теплилась. Государственные типографии — а иных заводить не разрешалось! — действовали лишь при Академии наук, при кадетских корпусах, Сенате, Синоде, Московском университете. Книжный репертуар елизаветинского

С воцарением Екатерины Второй начинается книгоиздательский «бум». За последние 40 лет XVIII века количественный репертуар изданий на русском языке, то возрастая, то — временно, по политическим причинам — убывая, достигал отметки 368 наименований в год (1788). Львиная доля — до трети — изданных в 1770—80-е годы книг была выпущена в свет благодаря Новикову.

Бурный рост книжного дела не был, конечно, результатом произвола правителей или усердия издателей. За этим явлением стоит стремительное расширение читательской аудитории, вызванное деятельностью системы образования, сложившейся во второй половине века. С 1730-го по 1800 год в почти пятистах учебных заведениях получило грамотность не менее 317 000 человек, а свыше 12 500 дворян и около 34 000 представителей недворянского населения получили высшее и среднее образование. Быстрый рост образованности повлек за собой и изменение спроса на книгу. Одним из тех, кто наиболее чутко уловил потребность века и умел ей соответствовать, оказался именно Новиков.

Юный гвардейский поручик совсем не по-дворянски пускается в рискованные книжные предприятия и начинает тяготиться службой. Расширяется его политический кругозор: молодого книголюбца назначают писмоводителем в Комиссию по составлению нового Уложения (1767), а там кипят политические страсти, произносятся смелые речи, ребром ставятся острые вопросы... Новиков по-

душу отвести. В следующем, 1769 году двадцатипятилетний Новиков подает в отставку с тем, чтобы больше никогда и никому не служить, кроме как единственному кумиру своему — книге.

Как бы там ни было, а материальная независимость — верный путь к независимости духовной. Неслучайно первым этапом революционного движения в России был именно дворянский этап; неслучайно и репрессии, обрушенные Екатериной в конце царствования на книгоиздателей, коснулись в первую очередь дворян: Новикова, Богдановича, Радищева, Рахманинова, Лопухина. В конце 60-х (XVIII века) просвещенным дворянам стало ясно, что царя не собирается следовать тем курсом, который разрабатывает дворянская интеллигенция. Часть дворян, поначалу настойчиво объяснявших императрице, как и ради чего следует править, обижено отходит от двора и замыкается в частной жизни. Другие переходят в оппозицию. Новиков же берется за создание сатирического журнала «Трутеня».

Язвительно намекая на личность самой Екатерины и образ ее правления, «Трутеня» не давал спуска всему благородному сословию, обличая невежество, гордыню, жестокосердие всевозможных скотинных и безрассудов, высмеивал щеголей и щеголих, нападал на подъячих-выжиг. Новиков был одним из самых активных авторов своего журнала, но отнюдь не единственным: сам Сумароков, как и многие лучшие литераторы, охотно сотрудничал с ним. Начав с 626 оттисков, Новиков не

Отставной поручик еще не раз затевал периодические издания, главным редактором и душой которых был он сам: «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек»... Их сатирическая направленность принесла немало беспокойства властям предрекающим, о многом заставляла задуматься читателей. Журналы утверждали в общественном мнении нетерпимое отношение к деспотизму и невежеству, информировали о событиях в мире, сообщали новости культуры. Пылкое желание принести пользу Отечеству, просвещая современников, двигало Новиковым. Конечно, главным инструментом в этом деле были книги.

Излюбленной темой издательского репертуара Новикова была русская история. Соотечественники после петровских реформ, как это свойственно послереволюционным поколениям, полагали, что до них была лишь некая, не очень-то заслуживающая внимания предистория. А вот настоящая история начинается где-то только с них. Новиков из всех своих издательских сил боролся с подобным предрассудком. Вот только некоторые из изданных им в первое десятилетие своей деятельности книг: «Древняя российская вивлиофика» в 10 томах, «Повествование древностей российский», «Древняя российская гидрография», «О народах, издревле в России обитавших» Г.Ф.Миллера, «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» М.М.Щербатова, «Историческое описание российской коммерции» М.Д.Чулкова (издано несколько, правда, позднее), «История о невинном заточении ближнего боярина А.С.Матвеева»... Новиков и сам

ром объединять разрозненные силы, направлять смутные устремления разных людей в четко очерченное русло полезной просветительской деятельности. Так, ему удалось создать в 1773 году «Общество, старающееся о напечатании книг», которое за два года своей деятельности успело финансировать выпуск 24 переводных и 2 оригинальных сочинений. Любовь и истинное уважение умел вызывать к себе этот человек с ранних лет; подлинное знание и искренняя устремленность к добру привлекали к нему общую симпатию, звали людей к сотрудничеству с ним. И даже императрица Екатерина Вторая, хотя и обижалась на некоторые его журнальные выпады, неоднократно в те годы давала немалые средства из «кабинетной суммы» на издание полезных книг и допустила Новикова на литературные вечера в Эрмитаже.

Петербургский период жизни Новикова (до 1779 г.) был отмечен целым рядом инициатив; издатель нащупывал новые пути в книжном деле, на этой еще почти целине, худо вспаханной и мало удобренной. Сам он свидетельствует в «Живописце»: «Какой был лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупаются?» Понемногу Новиков организует сбыт — пока небольшой, порой поштучный — книг в провинции, ищет и находит там людей, на которых можно опереться. Издает первый критико-библиографический журнал «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777). Пытается заохотить к чтению дам, выпускает для них

Новиков Николай Иванович

10.05.94

1994-05-10

«Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (1779). Вступив в 1775 году в масонскую ложу «Астрея», он использует новые влияния знакомства для большой филантропической и просветительской затеи: приступает к изданию журнала «Утренний свет», все средства от благотворительной подписки на который должны были пойти на «заведение школ для бедных и сиротствующих детей, равномерно и для содержания бедных и престарелых людей». Как ни странно, из 1000 экземпляров тиража 875 удалось распространить по подписке и собрать крупную сумму в первый же год — 2000 рублей. На призыв поддержать создание приютов, богаделен, народных школ откликнулись самые разные люди — князя Шереметев и Куракин, графы Брюс, Панин, Разумовский, Чернышев, секретарь Екатерины Безбородко, заводчик Никита Демидов, купец Масленников, миллионер Хлебников и другие. Комиссия из десяти авторитетных масонов вникала в состояние дел. Ежегодно пуб-

эти дни: «Человек со ста от меня зависит, по большей части избалованных, ленивых и пьяных. Стараюсь, сколько сил моих достает, во всем этом их поправить и, благодаря Бога, имею некоторый успех».

Да, он имел «некоторый» успех. Такой, который позволил ему через три года организовать союз «Новиков и Компания», в результате чего в руках Новикова сосредоточилось руководство четырьмя типографиями (одна из которых тайная, масонская). А в 1784 году, когда по его инициативе создается более обширная, с большим количеством пайщиков, «Типографическая компания», в распоряжении Новикова оказывается еще одна, пятая, типография. С 15 января 1783 года, когда Екатерина Вторая узаконила существование «вольных» типографий, Новиков практически получил возможность бесконтрольного выпуска книг. Цензоры, в большинстве своем университетские профессора, были с ним в прекрасных отношениях, равно как и московский губернатор. И Николай Новиков, вступивший, кстати, в

возник тоненький ручеек «элитарного» чтения. «Литература для себя и для своих», культивировавшаяся в дворянских кабинетах и салонах, по всем статьям отличалась от обширного ассортимента приключенческой, авантюрной, бытовой и даже порнографической (увы, уже тогда!) прозы.

Новиков поступил как мудрец. Примерно половину его репертуара составляла беллетристика, оригинальная и переводная, развлекательное чтиво. Это и авантюрно-приключенческие романы, такие, как, например, «История о славном рыцаре Златых Ключей Петре Прованском и о прекрасной «Магелоне» Ж.Кастрийона, «Повесть о княжне Жеване» К.Ф.Ламбера, «История о принце Солии» А.Пажона, «Приключения Фемистокла» и «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» Ф.А.Эмина, «Похождение Ахиллесова» М.Д.Чулкова и, наконец, «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки

журнальной деятельности издателя: «Стараниями Новикова весьма многим одаренным склонностью к наукам и способностью к писанию и сочинениям отворен был путь и преподан случай и возможность к оказанию своих способностей и сил разума, так что чрез самое то сделались они потом сочинителями и такими авторами, которые ныне истинную честь приносят своему отечеству». Но читатели, разумеется, получали от этих журналов еще большую пользу, чем литераторы.

Огромное значение Новиков придавал переводам. Благодаря его стараниям в России выходили не только сочинения знаменитых авторов, таких, как Гомер, Вергилий или Апулей, блестяще переведенный Ермилом Костровым, но и современных властителей дум. Так, публика познакомилась с лучшими произведениями Вольтера, Руссо, Мармонтеля, Виланда, Смолетта, Филдинга, Шаридана, Бомарше, Дидро, Лессинга, Прево. Не были забыты и гиганты прошлого века: Расин, Корнель,

тава Ш. Монархи Европы были потрясены этими событиями; королева Португалии даже повредила в рассудке. Екатерина Великая тоже не могла успокоиться: ей, самой вступившей на престол в результате заговора и переворота, убившей мужа руками фаворита, невозможно оказалось совладать со страхом и ужасом перед воображаемыми заговорами и революциями. Она боялась сына Павла, смертельно ее ненавидевшего. Она боялась масонов, их тайной деятельности, их потаенной спайки, их религиозного вольнодумства, их нескрываемого республиканского настроя. Когда ей донесли о секретных сношениях масонов с наследником престола, участь тайных обществ была решена. Новиков был масон, издавал масонские книжки. Его участь решилась автоматически.

Ему запретили продление аренды университетской типографии. Арестовали книги, подвергли их длительному освидетельствованию на предмет выявления крамольных и неподцензурных изданий. Столь долго возводимое здание благополу-

НОВИКОВА

ликовался баланс. На деньги, собранные Новиковым, были открыты два училища — Екатерининское и Александровское. Журнал пользовался большим успехом среди просвещенного духовенства и разночинной интеллигенции, расходился по 58 городам и весям России, не считая поместий. Доходил даже до Кунгура и Царево-Кокшайска. Его читали Державин и Баженов, ученые Адодуров и архиепископ Москвы — Платон. Весть о том, что средства от продажи журнала позволяют обучать сто сирот на всем готовом, привлекла новые жертвования.

Новикова стали именовать «истинным министром народного просвещения». Но «министру» требовалась собственная полиграфическая база... Новое законодательство позволяло частному лицу лишь арендовать типографию. Но вот судьба предоставила уникальный случай: в 1778 г. замечательный поэт и энтузиаст просвещения М.М.Херасков получает назначение куратором в Московский университет. Он обнаруживает запущенность дел в университетской типографии и предлагает ее в аренду Новикову. Николай Иванович идет на риск: продает за 20000 рублей отцовское имение, основу своей независимости и благосостояния, и на все деньги приобретает оборудование, бумагу, материалы. Договор с университетом сроком на десять лет подписан.

Что за наследство досталось Новикову! Ветхие станки, сбитый, разрозненный шрифт... Но он не опускает руки, трудится как одержимый. Старому знакомому Я.Булгакову он пишет в

возраст «акмэ» — расцвета, развернулось во весь свой богатый мах.

За тринадцать лет (1779—1792) в пяти подконтрольных ему типографиях было выпущено свыше тысячи наименований книг и журналов на русском, латинском, французском и немецком языках. Сколько людям Новиков дал работу, сколько авторов обогрел своим вниманием! Более девяноста писателей опубликовали благодаря Новикову свои сочинения, шестьдесят три переводчика получили от него гонорар (кстати, по тем временам, немалый) и увидели в печати свои переводы. Многие из них, безвестных до того талантов (например, Н.М.Карамзина), Новиков буквально вывел в люди. Он не просто стоял в центре умственной жизни своего времени — он сам был этим центром, мощной пружиной, приводившей в действие огромный механизм просвещения на всем протяжении русской ойкумены.

Что же издавал Николай Иванович?

Как видно из приводившихся выше данных, читательская аудитория второй половины XVIII века не только стремительно росла, но и, во-первых, стремительно же демократизировалась, а во-вторых, поляризовалась, расслаивалась. На одном полюсе оказывался немногочисленный, но высокообразованный, рафинированный читатель, на другом — широчайшие элементарно грамотные массы. Соответственно расслоилась и литература. С одной стороны, на публику обрушился «девятый вал» развлекательной книгопродукции, с другой —

Каина, второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей» небезызвестного Матвея Комарова. Издавал он и сборники песен, пословиц, а также — около 20 томов русских сказок.

Не следует думать, что соведь Новикова была обременена каким-то действительно недостойным изданием: нет, этого не было. (Известно, что он даже скупал и уничтожал переводы вредных, по его мнению, книг). Что делать! Средства, полученные от неприятельской и протодушной читательской массы за подобные издания, Новиков направлял на коммерчески куда менее выгодные, чисто просветительские проекты.

Вторая половина новиковского репертуара на 40% состояла из масонских и богословских книг, а на 60 — из литературы общественно-политической, педагогической и справочной.

Всего им было опубликовано более 300 произведений русских авторов, в том числе два собрания сочинений «русских авторов отца» — А.П.Сумарокова. Среди этих книг немало исторических сочинений, например, «Анекдоты о Петре Великом» Я.Штелина или двенадцатитомник «Деяний Петра Великого» И.Голицева. Издавались журналы разнообразной тематики: «Городская и деревенская библиотека» (двенадцать томов переводов современной иностранной литературы), «Магазин натуральной истории, физики и химии», «Экономический магазин», «Детское чтение», масонские религиозно-философские журналы «Вечерняя заря» и «Покающийся трудолюбец». А.Т.Болотов писал по поводу

Мольер. Помимо упомянутой «Городской и деревенской библиотеки», вышла также фундаментальная антология в трех томах «Библиотека немецких романов»...

Около сорока книг было подготовлено и выпущено Новиковым специально для юношества: это были главным образом книги научно-популярного, познавательного характера. Выходили и пособия по домоводству, врачеванию, ветеринарии, начная от «Псовой охоты» и кончая «Всеобщим и полным лечебником»...

Все эти книги, выпущенные в соответствии с собственным представлением о благе Отечества, Новиков продавал недорого: «Я стараюсь особенно о том, чтобы книги пускать как можно дешевле и тем заохотить к чтению все сословия», — писал он. Рассказать о всем, изданном Новиковым, невозможно — не хватит места в газете. А ведь он еще и выпускал «Московские ведомости», доведя число подписчиков газеты от 600 до 4000. Кстати, в газете был критико-библиографический отдел «Известия о новых книгах»...

А еще Новиков в доме Типографической компании содержал публичную библиотеку — 8,5 тысячи томов, более 4 тысяч названий... Книжки там были на восьми языках, не считая русских.

«Министерство народного просвещения», помешавшееся в голову Николая Ивановича, работало во всю мощь, принося России неисчислимую пользу. Но вот во Франции разразилась революция. В Швеции дворянин-фрондер убил короля Гус-

чая Типографической компании затрещало. Насели кредиторы. Обороты упали, весь механизм начал скрипеть, останавливаясь, разрушаясь на ходу. В 1792 году Новиков был арестован и тайно препровожден в Шлиссельбургскую крепость. Суда над ним не было, ведь он на самом деле ни в чем не был виноват, если не считать выпуска нескольких книг тайно для масонских нужд. Но если правительство хочет вас разорить и уничтожить, кто же сможет устоять? Через четыре года, после смерти Екатерины, Новиков вышел из заточения. Узнать его было невозможно. Случилось так, что прославленный Левицкий дважды писал его портрет: один раз в расцвете сил, полного достоинства и мысли, обаятельного, милого, цветущего; другой раз после выхода из тюрьмы — жалкого, сморщенного, со слезящимися глазами, совершенно неузнаваемого: это был уже другой человек. Он прожил еще долго — двадцать два года, пережил наполеоновское нашествие и умер, при жизни превратившись в легенду, в которую и сам уже, возможно, не верил. Он ничего больше не издавал.

Новиков был настоящим чудом русской жизни — удивительным, непонятно откуда и отчего возникшим, озарившим жизнь современников, сделавшим ее осмысленнее, возвышеннее. Частица его трудов есть в каждом из нас. Россия всегда будет любить его.

Александр СЕВАСТЬЯНОВ,
кандидат
филологических наук.